

Д. В. Попов

Андижанский государственный университет, Министерство высшего и среднего специального образования Республики Узбекистан, ул. Университетская, 129, 170100 г. Андижан, Республика Узбекистан, (+99897) 996-03-04, hey-day85@mail.ru

О ТРАНСФОРМИРОВАННОМ УПОТРЕБЛЕНИИ РУССКОЙ ЛЕКСИКИ В УЗБЕКСКОЙ РЕЧИ

В статье анализируются особенности проникновения слов русского языка в узбекскую устную речь. Делается вывод о том, что русский язык, являясь средством межнационального общения в Узбекистане, оказывает заметное влияние на узбекский язык. Происходит интенсивное интерферирующее влияние русского языка на узбекский, русские слова способствуют формированию и кристаллизации в узбекском языке новых способов выражения. Определяются стержневые признаки, устанавливающие границы функционирования лексических единиц в двух языках, а также указывается, что предметы часто обладают национальным своеобразием или исторической судьбой, характерной для данного народа, в то время как выделяемые словами признаки этих предметов не подчиняются этому правилу.

Ключевые слова: устная речь, русская лексика, узбекская разговорная речь, семантика, трансформация.
Библиогр.: 9 назв.

D. V. Popov

Andijan State University, Ministry of Higher and Secondary Specialized Education of the Republic of Uzbekistan, st. University, 129, 170100 Andijan, Republic of Uzbekistan, (+99897) 996-03-04, hey-day85@mail.ru

ON THE TRANSFORMED USE OF RUSSIAN VOCABULARY IN UZBEK SPEECH

The features of penetration of Russian words into Uzbek oral speech are analyzed in the article. It is concluded that the Russian language, being a means of interethnic communication in Uzbekistan, has a significant impact on the Uzbek language. There is an intense interfering influence of the Russian language on Uzbek, Russian words contribute to the formation and crystallization of new ways of expression in the Uzbek language. The pivotal signs are determined. They establish the boundaries of the functioning of lexical units in two languages. It is also indicated that objects often have a national identity or historical characteristic of a given people while the signs of these objects distinguished by words do not obey this rule.

Keywords: oral speech, Russian vocabulary, Uzbek colloquial speech, semantics, transformation.
Ref.: 9 titles.

При исследовании функционирования русской лексики в узбекской речи, обнаруживаются значительные расхождения между значениями эквивалентных на первый взгляд русских и узбекских слов. Часть русских слов вступает в определенные функционально-семантические отношения с соответствующими им в узбекском языке словами. Такие слова претерпевают семантические изменения, выражающиеся не в расширении или сужении значений, а в образовании в них нового, привнесенного носителем узбекского языка, значения. Лишь после такого преобразования эти слова регулярно употребляются в узбекской речи. Трансформированные слова закрепляются в речи в результате творческого подхода к обоим языкам носителей узбекского языка, когда значение русского слова преобразуется сознательно, в соответствии с преследуемой коммуникативной целью и нормами родного языка.

Наблюдения показывают, что функционирование русских слов чаще всего мотивировано, и эта мотивированность связана с определенной потребностью выражения, а не с сознательным намерением изменить свой язык.

Принято считать, что в условиях двуязычия говорящим с большим трудом удается сохранить семантическое своеобразие лексики двух языков. Употребление слов русского языка в узбекской речи требует громадного труда. Этот процесс продуман, осознан, и этим

он в корне отличается от легкомысленного и бездумного, а порой и граничащего с простой бескультурностью речи смешения языков.

Совпадение предметно-алогической соотнесенности слов двух языков не всегда служит поводом для их отождествления в родной речи. Существуют случаи, когда функционально-семантические отношения соответствующих слов двух языков носят характер оппозиции, контрастности, сложность которой в том, что она не самостоятельна, а фрагментарна. Оба члена этой оппозиции семантически специализированы, то есть наделены соотносительными позитивными признаками.

Употребление трансформированных слов основано, во-первых, на различии значения русского и соответствующего ему узбекского слов, во-вторых, на различии семантических полей слов двух языков, в результате чего чаще всего образуется новая семантическая дифференциация, которой раньше не было ни в одном из контактирующих языков. Такое различие основано на обозначении русским словом нового признака. Но новым в конечном итоге является не сам выделяемый признак, а его отношение к признаку, выделяемому словом родного языка. Это соотношение объемов значения и является объективной основой для проникновения в родную речь транзитных слов.

Проиллюстрируем это положение на примере функционирования в узбекской устной речи слова *дом*.

В русском языке распространены такие слова, как *деревня — аул — кишлак; изба — хата — сакля* и др. Однако совершенно очевидно, что в речи народов, проживающих на различных территориях, все эти слова обозначают далеко не одни и те же вещи. Например, в узбекской устной речи можно наблюдать следующее: «*Domlar orasidan o'tib ketamiz*» / «*Пройдем через дома*». Вместо узбекского слова *уу* в предложении употребляется русское слово *дом*. В данном примере под словом *dom* подразумевается многоэтажное жилое здание. А под словом *уу* в узбекском языке понимается — одноэтажные дома с двориком и участком. Это перераспределение значений основано на выделении и обозначении в предмете различных признаков. Все это в свою очередь ведет к перераспределению функций между этими словами. Таким образом, употребление слова *dom* имеет такое же значение, как и его употребление.

Собственно говоря, любой предмет, который можно назвать словом *dom*, можно назвать и словом *уу*, и наоборот. Но в узбекской речи в сигнификативном плане значения этих слов различаются. Например: «*Dom tezroq tayyor bo'lsa yaxshi bo'lar edi*» / «*Было бы хорошо, если бы дом поскорее был готов*»; «*Qishda domda turamiz. Sharoitlari yaxshi*» / «*Зимой живём в доме (в многоэтажном). Условия хорошие*»; «*Uchastkada turasizmi, yoki domda turasizmi?*» / Дословный перевод высказывания: «*Вы живете на участке или в доме?*». Но действительный смысл иной. «*Вы живете в собственном доме с двориком и выделенным участком земли или в многоэтажном, государственном доме?*» Слово *uchastka* заимствовано узбекским языком, но в значении этого слова нет значения «*собственный дом с участком земли*». Слово *dom* употребляется в значении многоэтажное, многоквартирное жилое сооружение. Средствами узбекского языка это значение можно выразить таким образом: «*ko'p qavatli ko'p kvartirali davlat uy*».

В толковом словаре узбекского языка можно найти следующее определение слову *dom*: «**DOM** IV [r. < lot. domos — uy, boshpana] s.t. Uy, ko'p qavanli uy, bino. Binobarin, har bir domdan oqilona foydalanish zarur edi. S. Karomatov, Oltin qum. Yaxshiyam domda turamiz.. dom deganlari jonning rohati ekan. Gazetadan» [1, с. 640].

В приведенных выше примерах слова *uchastka* и *dom* в какой-то мере антонимы; свой — не свой; с участком земли — без участка земли. В русском языке слово *участок* не имеет значения «*собственный дом с участком земли*», а слово *дом* обозначает не только многоэтажные, многоквартирные государственные жилые сооружения.

В настоящее время в Узбекистане быстрыми темпами обновляются жилищные условия, которые приобретают все более унифицированный характер. В городах и в сельской местности строится большое количество многоэтажных жилых домов. В этих условиях возникает понятие общенационального характера, которое вместе со словом, его обозначающим, входит в речевую деятельность.

Есть два пути обозначения этого понятия: 1) либо это понятие, входя в завуалированной форме в значение узбекского языка, преобразует его значение, то есть материальная сторона слова продолжает оставаться узбекской, а содержательная — наполняется новым значением; 2) либо перенимается русское слово.

Как нам известно, до начала XX века в Узбекистане не было государственных жилых сооружений, следовательно, одна из причин появления русского слова **дом** — социальная: появилось новое понятие; вторая — языковая: необходимо обозначить это понятие. Слово **дом** в узбекской речи как бы фиксирует изменение в социальной жизни, но оно не вбирает в себя значения слова **уй**.

С увеличением количества лексических единиц, возникающего в результате употребления слова **дом**, появляется синтагматическая экономия; один слог или три фонемы вместо семи слогов и восемнадцати фонем. Ср. «*ko'p qavatli ko'p kvartirali davlat uyu*». Если же не употреблять это русское слово, то происходит парадигматическая экономия — к существующим лексемам не присоединяется новая. Таким образом, можно вывести зависимость употребления этого слова от частоты упоминаемости данного объекта. Если он упоминается довольно часто, экономичнее придать ему краткую форму, что и делается в устной речи, даже если это и оказывается дополнительной нагрузкой для памяти. Разумеется, это не единственный решающий фактор. Потребности практической жизни потребовали создания для нового объекта дифференцированной системы обозначения. Формирование в этих двух словах двух языков неодинаковых и неравных по объему значений придает каждому члену оппозиции самостоятельное значение. «Лишь отбор признаков у элементов действительности при их наименовании имеет первостепенное значение для всей организации лексики языка. Это различие в лексических системах двух языков в объеме значений слов, в использовании слов в речи, в конечном счете зависит от их признаков, по которым члены данного коллектива классифицируют и именуют объекты неязыкового мира» [2, с. 15]. Русское слово **дом** проникло в узбекскую речь в результате того, что вступило в отношения контрастности со словом **уй**, возникшей в силу переосмысления имевшегося значения.

Члены пары **уй** — **дом** в узбекской речи не взаимозаменяемы, но так как ощущение единства денотата не утеряно, исчезает лишь единство между выделяемыми этими словами признаками; говорящий и слушающий воспринимают эти слова как самостоятельные единицы. Слова двух языков реализуют свое признаковое содержание, создавая стандартизованное представление о предмете. Значение слова **дом** в узбекской речи не равно значению узбекского слова **уй** и вместе с тем не равно значению слова **дом** в русском языке.

Не наблюдается ни одного употребления слова **дом** в таких сочетаниях, как «*madaniyat uyi*» / «дом культуры», «*dam olish uyi*» / «дом отдыха». Однако встречается «*dom otdixga boraman*», но это уже дублетное заимствование сложного названия.

Какой бы ни был тип жилья, всегда говорят: «*Men uyga boraman*» / «Я пойду домой», а не «*Men domga boraman*». В таких случаях нет надобности дифференцировать признаки предметов, так как не они лежат в основе классификации. В данном случае имеется в виду понятие семейного, родного очага, а не того, какое оно: собственное или государственное, одно- или многоквартирное, с двориком или без.

В русском слове в качестве стержневого признака, прежде всего, выделяется *форма объекта*, тогда как при использовании русского слова в узбекском языке — за стержневой различительный признак берется *назначение*. Известно, «вследствие выделения разных

признаков у одних и тех же объектов образуются разные по объему классы этих объектов и наименования, обозначающие эти классы, различаются по объему своих значений» [3, с. 230]. Но в случае использования иноязычного слова, его значение не обязательно определяется в связи с его отношением к предмету. Оно может определяться и в связи с его отношением к значению узбекского слова, и это, пожалуй, самое важное.

Определение признака устанавливает границы функционирования каждого из двух слов и различает их значения. Оба этих слова ассоциируются с различными представлениями одного предмета. И это исключает возможность использования их в речи на равных основаниях, произвольно заменяя, их друг другом. При необходимости обозначить только форму, употребляется слово *dom*, при необходимости обозначения остальных признаков — *уу*.

Заслуживает внимания еще и то обстоятельство, что и в русской речи узбекско-русских билингов слово *дом* употребляется также, как и в узбекской речи. Эта тенденция к дифференциации наименований жилых сооружений оказалась настолько сильной, что постепенно переключивает в родную речь носителей русского языка.

Сравнивая функционирование слов двух языков, мы вскрываем мотивированность, которая лежит в основе использования этих слов. Эта мотивированность определяется еще и тем, что в семантической структуре используемого русского слова происходит сдвиг. Слово *уу* в обиходной речи тоже меняет свою семантику в связи с возникновением новой семантической корреляции *dom* — *уу*.

В значение узбекского слова не входит новый признак, а выделяемый русским словом признак препятствует употреблению узбекского слова в новом значении.

Как следует из рассмотренного примера, секрет проникновения используемого слова, имеющего пару в узбекском языке, кроется в интерпретации признаков предмета и значения русского слова. Однако в проникновении этого слова в узбекскую речь и в активном его функционировании в ней не столь важно изменение формы и устройства жилого помещения (сооружения), поскольку его назначение осталось прежним. Здесь важно то, что изменяются условия жизни в связи с переходом в жилые сооружения нового типа. Изменяется быт, привычный уклад жизни. В какой-то мере изменяются даже взаимоотношения между людьми. В многоквартирных домах люди живут уже по-другому, не так, как в многоквартирных домах с двориками. Особенно остро эту перемену чувствуют узбеки. Поэтому напрашивается вывод: регулярность употребления русского и узбекского слов в узбекской речи и их семантическая соотнесенность между собой свидетельствуют о характере взаимосвязи явлений действительности, как они представляются говорящему, что и находит свое отражение в речи.

Но нельзя представлять себе дело таким образом, что лексика второго языка становится «резервом» родного языка. Не все русские слова входят в лексический фонд устной речи как самостоятельные единицы и функционируют в ней на правах активной лексики, а потому могут задерживаться в ней на длительное время. Для того чтобы проникнуть в узбекскую речь, русское слово должно обладать обязательной силой, значимостью для узбекского языка. Значимость эта выражается в различных формах: социальной, лингвистической, психологической. Так, например, слово *dom* в узбекской речи имеет оттенок социального характера. Социального в том смысле, что оно символизирует новое явление. «Социальная окраска с особой силой проявляется тогда, когда данному речевому факту соответствует какое-либо слово общего языка» [4, с. 269].

В настоящее время активно функционирует в узбекской устной речи и такое наименование, как *bo'lka-non*. В толковом словаре узбекского языка дается следующее определение: «**BO'LKA** [пол. bulka — kichikroq yumaloq non] s. t. Bug'doy unidan tayyorlangan, ko'pincha g'isht shaklidagi uzunroq non [1, с. 411].

В узбекско-русском и русско-узбекском словаре: «**non** хлеб; лепёшка; bug'doy non пшеничный хлеб; nondan ulug' parga yo'q *носл*, важнее хлеба нет ничего...» [5, с. 144].

Non — узбекский хлеб в виде лепешек, и технология его изготовления, а следовательно, и вкусовые качества в корне отличны от хлеба в виде буханок. Хлеб в виде буханок привнесен в Среднюю Азию русскими. С появлением такого хлеба значение слова **non** расширилось, оно стало обозначать и хлеб в виде буханок. Но несоответствие между этими в сущности своей различными разновидностями хлеба оказалось настолько сильным, что потребовалась дифференциация их наименований: **non**, **bo'lka-non**, или **buxanka-non**.

Применительно к лепешкам или хлебу вообще говорят **non**. То есть понятие **bo'lka-non** появилось в результате воздействия на язык факторов внешнего порядка, без чего «языковая система, уравновешенная по определению, была бы обречена на вечную устойчивость, на неподвижность» [6, с. 144]. Русские слова **булка**, **буханка** выполняют роль дифференцирующего компонента.

Но было бы неправомерным считать зависимость употребления слов типа **uy** — **dom**, **non** — **bo'lka-non** простой и прямолинейной, то есть новый предмет – новое слово. Появлению новых названий не столько послужило изменение самих предметов, тем более, что их общая функция осталась прежней, а одновременное сосуществование в действительности обеих, т.е. прежних и новых реалий.

С лексическим компонентом **bo'lka** в наименовании **bo'lka-non** связаны все те понятия, которые по традиции ассоциируются с определенной социальной и этнографической общностью. В представлении узбека – это особая разновидность хлеба, отличная от его собственного. Русское слово сразу же вызывает в сознании представление об этом предмете. Социальная сторона этого явления кроется в том, что **bo'lka** символизирует определенную сферу жизни, с которой и связывается это слово.

Несмотря на тот факт, что, например, русское слово **дом** не входит в систему узбекского языка, так же как и **bo'lka** не употребляется самостоятельно, а только в качестве части более крупной формы, мы тем не менее называем их языковыми формами, поскольку они обладают самостоятельным значением. Так, слово **non** при посредстве русского компонента приобретает новое родовое значение.

Обозначаемые различными языками предметы часто обладают национальным своеобразием или исторической судьбой, характерной для данного народа, в то время как выделяемые словами признаки этих предметов не подчиняются этому правилу. В этом случае расширение значения слова или его интерпретация идут не по логически общему признаку, а по признаку, стержневому для метафоризации, характерной для носителей данного языка. Узбекское **non** — **лепешка**. Лицо девушки носители узбекского языка могут сравнить с лепешкой («ширмой non»), значит красивое, румяное, привлекательное лицо. Слово **ширмой non** этимологически состоит из двух компонентов; **шир** (таджикское) – молоко; **мой** (тюркское) — масло, жир. Следовательно, **ширмой non** – лепешка, выпеченная из теста, замешенного на молоке с жиром.

В толковом словаре узбекского языка читаем следующее определение данному понятию: «**SHIRMOY(I), shirmoy(i) non** [sut qo'shilgan non] Oliy navli unga no'xat unidan qo'shib, sut va yog' solib tayyorlangan non» [7, с. 581].

В узбекско-русском и русско-узбекском словаре: «**shirmoy** сдобная лепёшка; **tepamda ko'k dasturxon, dasturxonda ~ non; ~ non bir donadir, sindirilmas hech qachon** загадка надо мной синеет скатерть, а на скатерти лепёшка; та лепёшка лишь одна, её не крошат никогда (Небо, луна)» [5, с. 317].

По-русски «**лицо-лепёшка**» – некрасивое, плоское, уродливое лицо. Семантической основой русского слова **лепёшка** является понятие/признак плоскости, а для узбекского **non**, точнее, для его семантического стержня, признак плоскости несущественен. Здесь семантической основой является свойство «быть румяным».

«Булочная лепешка» — *bo'lka-non* — это не выпуклая лепешка, а скорее всего «некруглая лепешка» (ср. в восточной поэзии лицо девушки сравнивается не только с лепешкой (ширмой нон), но и с луной, точнее, полной луной – «лунолика»).

Рассмотрим другие примеры, где слова не имеют предметного значения. «*Ko'katlar bozorda sveji bo'ladi*» / «Зелень свежая на рынке»; «*Pomidor oldik. Sveji, sveji*» / «Помидоры взяли (купили). Свежие, свежие»; «*Sveji go'sht*» / «Свежее мясо»; «*Non olish kerak. Sveji non*» / «Хлеб нужно купить. Свежий хлеб».

Слово *свежий* в русском языке имеет следующие значения: «1. Недавно добытый или приготовленный, не испортившийся. Свежая рыба. С. хлеб. 2. Идущий в пищу в своем натуральном виде. С. огурец (не соленый). 3. Прохладный и чистый, не спертый (о воздухе). На свежем воздухе. 4. Холодный (о ветре, погоде). С. ветер подул. По ночам свежо (безл.). 5. Яркий, не блёклый, не утративший яркости. Свежие краски. 6. Не бывший еще в употреблении, незапачканный, чистый. Свежая рубашка. 7. Недавно возникший, новый. По свежим следам. Свежие новости. Со свежими силами. Свежая мысль» [8, с. 563].

В узбекском языке нет отдельно выделенной лексемы, выражающей значения *свежести*, подобной лексеме русского языка. Эти значения выражаются в узбекском языке словами *yangi*, *toza*, *issik*, *ho'l*. Каждое из этих слов имеет свое стержневое значение. По данным «Русско-узбекского и узбекско-русского словаря», слово *yangi* имеет значения: новый, свежий; ~ *idish, tagi teshik* загадка посуда новая, днодырявое (Сито); ~ *supurgi toza supuradi* погов. ирон. новая метла чисто метёт; – *kostum* новый костюм; ~ *ni eski asraydi* погов. новую одежду сохраняет старая; ~ *gazeta* свежая газета; ~ *xabar* новости; <> ~ *mehmon* новорожденный (ая); ~ *mehmon tug'ildi* нашего полку прибыло [5, с. 279].

Toza — 1. чистый; свежий; опрятный; натуральный; *hovli* ~ двор чистый; ~ *havo* свежий воздух; ~ *havo – tanga davo* погов. свежий чистый воздух; ~ телу исцеление; ~ *asal* натуральный мёд; 2. очень много, здорово, как следует; ~ *yurdik* много ходили; *u seni ~ kutdi* он тебя очень долго ждал; ~ *charchadim* я очень устал [5, с. 246–247].

Issiq — теплота, жар, жара; горячий, жаркий, знойный; жарко; горячо; *sovuq kirib, ~ chiqar* загадка холодной входила, горячей выходила (Лепёшка); ~ *da soyasi yo'q, sovuqda panasi yo'q* погов. неодобр. в жару не даёт прохладу, в холод – тепло (о тонкой непригодной, невзрачной одежде); ~ *jon isitmasiz bo'lmas* погов. живая душа не без лихорадки (раз человек живое существо, то он не гарантирован от болезней и недугов); ~ *ovqat* горячая пища; ~ *mamlakatlar* жаркие страны; *jazirama* ~ зной; *issig'i baland* у него высокая температура; *yuzi* ~ у него милое, приятное лицо; <> ~ *jon* живой человек; живое существо; ~ *sovug'idan xabar olmoq* заботиться (о ком-л.), присматривать (за кем-л.) [5, с. 88].

Ho'l — 1. мокрый; влажный; 2. сырой; *ho'l o'tin* сырые дрова; *yer tagida ho'l gavron* загадка под землёй прут сырой (Змея); 3. свежий (не сушёный); *ho'l meva* свежие фрукты; *ho'l sabzavot* свежие овощи; <> *h'ol balo* разг. беда (несчастье), от которой трудно избавиться [5, с. 82].

Если сопоставить между собой приведенные узбекские слова, то станет ясно, что они не являются полными синонимами. Если же каждое из них сопоставить с русским словом *свежий*, то выявится, что каждое из них выражает одно из значений, имеющих в русском слове. Каждое из узбекских слов фиксирует один, постоянный, непреходящий признак, т.е. узбекские слова относительно русских обозначают референтно более узкие значения, причем каждое из них характеризуется своим соотношением семантических компонентов.

Для узбекских слов характерно отношение перекрещивания семантических отношений. Это отношение перекрещивания и связывает входящие в одно слово несколько самостоятельных значений.

Так, например, *toza* обозначает признак, существенный для денотата слова *havo/воздух*; *yangi* — для денотата слов, обозначающих быстротеряющие новизну реалии; *ho'l* — для денотата слов *meva/фрукты* и *sabzavot/овощи*.

Общий семантический компонент у слов *свежий* и *yangi* — недавность, неиспорченность, который и делает возможным их сопоставление. Дифференцирующим же является признак слова *yangi/новый*, которого нет в значении слова *свежий*. Ср. *yangi mashina* — новая машина, но не свежая машина. То же наблюдается и в остальных парах. *Свежий* — *toza*. Общее — чистый, в значении не спёртый, и дифференцирующее — чистый, в значении не грязный. *Toza qo'l* — чистая рука, но не свежая рука. *Свежий* — *ho'l*. Общее — не сушеный, идущий в пищу в своем натуральном виде. Дифференцирующее — мокрый.

Как видно из приведенных примеров, узбекские слова не обладают «свободным» значением *свежести*. Оно как бы «привязано» к другим ключевым значениям и вместе с ними выполняет идентифицирующую функцию. Различие между свободным значением русского и связанными значениями узбекских слов кроется не столько в том, как приспособлены эти слова к обозначению действительности, сколько в языковой технике обозначения, различной в обоих языках. Использование узбекских слов предполагает комбинаторную технику.

Основой их употребления является то, что их связанные значения, представляя признак, существенный для коммуникации, выполняют отождествительно-различительную функцию лишь в словосочетании.

Обладая индивидуальным семантическим содержанием и обозначая специфический признак, присутствующий в разнородной категории объектов, каждое из узбекских слов в отдельности характеризуется относительно узкой сферой приложимости. Комбинаторная ограниченность этих слов уже сама по себе свидетельствует о наличии в каждом из них еще одного значения, характеризующего признак, выделяемый лишь в определенной категории понятий. И хотя незначимые в настоящий момент значения не оказывают существенного влияния на употребление узбекских слов, в то же время они и не совсем безразличны для них.

В сфере функционирования рассматриваемых узбекских слов действуют сочетаемостные ограничения. Ср. *issik non/свежий хлеб*, но нельзя *issik bodring*, так как получится *горячий огурец*; *yangi gazeta/свежая газета*, но нельзя *issik gazeta*, так как это будет означать *горячая газета*.

По совпадающим признакам пары образуют эквивалентную оппозицию. Три значения: 1) недавно добытый, приготовленный, не испортившийся; 2) не спёртый, прохладный; 3) не сушеный, идущий в пищу в своем натуральном виде, объединились в одну лексему *свежий*, оставив при этом остальные стержневые значения в исконных оболочках. Таким образом, все семы, обозначающие *свежесть*, объединились в одном слове — *свежий*. Все четыре узбекских слова оказались заменяемыми одной лексемой, безразличной к остальным значениям, имеющимся в узбекских словах. Поэтому каждое из них обладает строгой обусловленностью употребления, или, иными словами, ограниченной сферой приложимости.

Смысловая структура этих слов распадается на самостоятельные, но все-таки связанные друг с другом значения. При этом не следует представлять себе дело таким образом, что говорящий употребляет русское слово лишь на основе заключенных в нем признаков. Новое значение привносится в русское слово. Так как в русском языке значения слова *свежий* связаны полисемией, а в узбекском — расчленены по разным лексемам (возможно, что существует какая-то связь между характером полисемии и типом языка), т.о. мотив выбора узбекских лексических единиц регламентируется значением слов, с которыми они должны сочетаться. Значение *свежести* в лексемах узбекского языка тесно связано с другими стержневыми значениями, и эта связанность значений имеет, по-видимому, определенное влияние на употребление узбекских слов.

То, что каждый из признаков обозначается отдельным словом, — факт, относящийся к способам семантической структуризации в словесных значениях, а не к фиксации некоторого признака как постоянного.

В особенностях употребления узбекских слов, очевидно, и лежит ответ на вопрос о том, почему в семантической структуре узбекских слов осуществляется выделение функционально релевантных компонентов значений в самостоятельные, если качества предмета остались прежними.

Задаваясь вопросом, обладает ли русское слово и соответствующие ему узбекские слова в одном контексте одинаковым значением, мы исходим из положения, что одинаковость/неодинаковость значений связана со смыслом высказывания. Несовпадение же значений слов *yangi*, *toza*, *issik*, *ho'l* и *свежий* обусловлено их различными сигнификативными планами. Это объясняется существующими семантическими разграничениями, приводимыми в каждом языке по-разному. Т.е. конкретизация семантических полей разными языками проводится различным образом.

Сигнификативные границы слов *yangi*, *toza*, *issik*, *ho'l* довольно-таки размытые. Нельзя, например, указать вполне определенную точку, в которой можно провести демаркационную линию между референтами этих слов. Вероятно, это и есть одна из причин того, что происходит некоторая лексико-семантическая категоризация этих значений путем введения в речь русского слова. Хотя сигнификаты этих слов пересекаются, это не дает основания отнести их к синонимам, так как использование каждого слова определяется совершенно различными стержневыми значениями. Собственно говоря, в самом русском языке та же картина. Здесь только лексическая нейтрализация выражена сильнее.

Значение узбекских слов — не механическая сумма самостоятельных значений, а единая смысловая структура, части которой взаимосвязаны и между которыми существуют свои внутренние смысловые отношения. Это обусловлено и функциональным моментом, который усматривает в разных классах явлений общие им всем признаки, на основе которых они и объединяются в одно слово.

Новым в трансформированных использованиях является не сам выделяемый признак, он может быть выражен и средствами узбекского языка, а его отношение к признакам, которые сопутствуют ему, в узбекских словах. Такое соотношение объемов значений является объективной основой для проникновения в родную речь иноязычных слов в условиях двуязычия.

Значение *свежести* после сравнения, происходящего в условиях двуязычия, оказалось возможным выделить в самостоятельную лексему по образцу русского языка. Тот факт, что для четырех узбекских слов со связанными значениями появилось подчиняющее слово, является свидетельством того, что оппозиция значений *свежести* остальным значениям, выделяемым узбекскими словами, оказалась не столь важной. Важно то общее, что объединяет эти значения. Значения *свежести* в словах *yangi*, *toza*, *issik*, *ho'l* входят в разные семантические поля, объединяемые в одном слове русского языка единством выделяемого признака. Такое объединение отвечает интуитивному желанию говорящего выделить это значение в самостоятельную лексему. Слово *свежий* в русском языке объединяет в себе ряд свойств: *свежая газета* — это не только выпущенная недавно, но и несмятая. Свежей газетой не назовут также переизданную старую газету. Свежая — это еще и содержащая самые последние новости. Едва ли назовут свежей газету, не содержащую последних, неизвестных новостей. Свежая — своевременная, подготовленная непосредственно ко времени потребления. Видимо, эта «многопризнаковость» слова и схватывается сознанием узбека как нечто отличное (коренным образом) от особенностей отражения признаков узбекскими словами. Оформление этого значения в самостоятельную лексическую единицу опирается на коммуникативную функцию высказывания в той степени, в какой семантическая структура слова совпадает с целью высказывания. Говоря о таких случаях, необходимо отметить

функциональный принцип объединения признаков, позволяющий выделять и называть явления одной лексической единицей, отвлекаясь от коммуникативно незначимых признаков, составляющих относительно независимые, самостоятельные значения.

Используемые слова употребляются в узбекской речи строго в одном значении. *Свежий* не употребляется в значении *новый, чистый, теплый, мокрый*. Приобретая самостоятельное лексическое значение, это слово постепенно закрепляется в речи, узаконивая тем самым свое функционирование в иноязычной среде.

Естественно, образование таких «обиходных» значений является пригодным для практических нужд.

Еще одним доказательством тому, что это слово не дублирует значений соответствующих слов узбекского языка, является то, что слово *свежи* не образует существительного с помощью аффикса *-лик* по аналогии с *янги + лик* / новость; *тоза + лик* / чистота. Хотя в русском языке есть существительное *свежесть* и можно говорить о свежести хлеба, погоды, чувств, но, пожалуй, не говорят «свежесть газеты». Интересно, что газета никогда не устаревает, она стареет, отсюда и выражение «старые», но не «устаревшие газеты».

Несмотря на то, что проникновение русских слов в узбекскую устную речь носит на первый взгляд бессистемный характер, а их использование в речи приобретает порой причудливые формы, общая тенденция этого процесса далеко не беспорядочна. Чаще всего функционирование русских слов свидетельствует о тонком языковом чутье употребляющих эти слова, позволяющем соотнести языковые единицы двух языков, соотнести, но ни в коем случае не уравнивать их.

Несмотря на большую значимость двуязычия для проникновения слов русского языка в узбекский, нельзя забывать о том, что любое русское слово для того, чтобы закрепиться в узбекской речи, прежде всего должно быть понятным всем носителям узбекского языка и не вызывать у них мучительных раздумий по поводу своего значения. Русское слово, употребившееся один раз билингом и затем не употребляющееся им, теряет свою силу. Но если оно употребляется регулярно, причем всегда в одном значении, оно может перейти в речь монолингва, приобретая тем самым «права гражданства».

Однако надо сказать, что взаимодействие билингов и монолингвов до сих пор еще остается в языкознании открытым вопросом.

Наряду с частотностью употребления используемых слов, необходимо учитывать и их функционально-семантическую нагрузку, которую они несут в узбекской речи. Чем выше эта нагрузка, тем последовательнее будет употребляться используемое слово. Поэтому можно предположить, что монолингвы овладевают лишь теми русскими словами, которые имеют большую последовательность употребления в речи билингов и несут строго определенную функционально-семантическую нагрузку.

Критерием общеупотребительности русских слов служит то, что в их семантической оценке все носители узбекского языка, «не выражая этого вслух», полностью сходятся. Согласие это основано на том, что некоторые русские слова обозначают предмет или явление как бы с другой точки зрения, акцентируют внимание слушающего на признаках, не выделяемых специально словами родного языка.

В узбекской обиходно-бытовой речи активно функционирует, например, слово *нормально*. Оно функционирует в формах *normal* и *normalni* и имеет значение, не совпадающее со значениями соответствующих слов узбекского языка и со значениями русского *нормальный*.

«*Hammasi normalni bo 'ldimi*» / «Все было нормально?»; «*Ha, hammasi normalni*» / «Да, все нормально. Нормально = хорошо». Передается посредством *yaxshi*. Причем это слово встречается даже в таких сочетаниях, как, например: «*Ichadiganlardan tug'ilgan bola nenormalni bo 'ladi, boshqalardan — normalni*» / «Дети, родившиеся от пьющих

(алкоголиков), бывают **ненормальными**, от остальных — **нормальными**». *Normalni* — *normalni* употреблены соответственно в значениях психически и физически нездоровые/здоровые. Эти значения передаются в узбекском языке посредством слов *nosog‘lom – sog‘lom odam*. Слово **нормальный** — нерусское по происхождению. Видимо, и в самом русском языке оно прошло те же стадии, что и теперь в узбекском. Сейчас слово «нормальный» обозначает: **1.** Соответствующий норме, обычный. *Н. вес. Нормальная обстановка.* **2.** Психически здоровый || *сущ.* нормальность, -и, ж. [8, с. 346]. Применительно к человеку **ненормальный** — это не только больной (физически и психически), но и тот, чье поведение отклоняется от нормы в отрицательную сторону: «Он какой-то **ненормальный**, чуть что, бежит жаловаться». Или еще пример: «*Hozir boshlasak, normalni vaqtida pishadi*» / «Если начнем сейчас, то сварится как раз вовремя». *Normalni vaqtida* — вовремя, своевременно. Это значение можно передать посредством «*o‘z vaqtida*» / «*в свое время*».

Интересно, что в русском языке **нормально** не употребляется в этом значении, т.е. в узбекской речи нормально употребляется более последовательно, чем в русской. А это уже свидетельствует о том, что у узбека в результате двуязычия и использования русского слова изменяется сам способ языкового мышления.

С одной стороны, это слово дублирует значение нескольких слов узбекского языка, сфера функционирования каждого из которых уже сферы функционирования русского слова. *Normalni* является как бы обобщающим словом.

Бесспорно, что создание новых слов на основе внутренних ресурсов узбекского языка (переосмысление значения имеющихся слов, новообразования на основе старых морфем и т.д.) является основным способом развития лексики узбекского языка. Но бесспорно и то, что заметное влияние на развитие узбекского языка оказывает и русский язык, особенно в условиях двуязычия. Здесь необходимо помнить, что «только активное усвоение чужого слова связано с обогащением языка, с превращением чужого слова в свое. Форма и семантика чужого слова претерпевают определенные изменения под влиянием новой системы, новых социальных условий, новых коммуникативных и эстетических потребностей» [9, с. 75].

Таким образом, появление трансформированных слов обусловлено одновременным сосуществованием исконного и нового, рожденного современной действительностью предметов, при условии, что их назначение полностью соответствует друг другу. Трансформированное слово – результат восприятия исконного и нового предметов через сравнение их со словами русского и узбекского языков, т.е. причина появления используемых слов кроется в интерпретации признаков предмета и значения русского слова.

Список цитируемых источников

1. Ўзбек тилининг изоҳли луғати: 5 жилдди / ЎЗР ФА А. Навоий номидаги Тил ва адабиёти институти; А. Мадвалиев таҳрири остида. — Тошкент: Ўзбекистон миллий энциклопедияси, 2006. — Биринчи жилд: А-Д. — 679 с.
2. Гак, В. Г. Сопоставительная лексикология / В. Г. Гак. — М.: URSS, 2010. — 264 с.
3. Гак, В. Г. К диалектике семантических отношений в языке / В. Г. Гак // Языковые преобразования. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. — С. 224—242.
4. Балли, Ш. Французская стилистика / Ш. Балли / под ред. Е. Г. Эткинда; пер. с фр. К. А. Долинина. — 3-е изд. — М.: URSS, 2009. — 392 с.
5. Abdurahimov, M. Ruscha-o‘zbekcha lug‘at. O‘zbekcha-ruscha lug‘at / M. Abdurahimov. — Toshkent: Akademnashr, 2019. — 704 b.
6. Косериу, Э. Синхрония, диахрония и история (Проблема языкового изменения) / Э. Косериу // Новое в лингвистике. — Выпуск III. — М., 1963. — С. 123—343.
7. Ўзбек тилининг изоҳли луғати: 5 жилдди / ЎЗР ФА А. Навоий номидаги Тил ва адабиёти институти; А. Мадвалиев таҳрири остида. — Тошкент: Ўзбекистон миллий энциклопедияси, 2008. — Тўртинчи жилд: Тартибот – Шукр. — 606 с.

8. *Ожегов, С. И.* Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов. — М.: Оникс; Мир и Образование, 2010. — 736 с.
9. *Брагина, А. А.* Лексика языка и культура страны / А. А. Брагина. — М.: Русский язык, 1981. — 176 с.